

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-410-426

EDN: ZEGTTK

Дискурс макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе (по материалам официальных телеграм-каналов глав регионов и полномочного представителя Президента РФ в СКФО)*

И.В. Киреева, Е.С. Куква, З.А. Жаде

Адыгейский государственный университет,
ул. Первомайская, 208, Майкоп, Республика Адыгея, Россия

(e-mail: ira.kireeva.2024@internet.ru; otvs_priem@mail.ru; zhadezura@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена проблеме недостаточной сформированности представлений о макрорегиональной северокавказской идентичности как в публичной политике, так и академическом поле. Макрорегиональная идентичность рассматривается как результат пространственно-территориальной идентификации, характеризующийся пониманием и ощущением причастности к макрорегиону и обусловленной не только географическими и природно-климатическими, но и историческими и эмоциональными основаниями, т.е. обозначена двойственная природа северокавказского макрорегиона: административная и исторически обусловленная, природно-географическая и символическая. Цель статьи — выявление в дискурсе макрорегиональной идентичности направленности межрегиональных связей, позволяющих характеризовать Северный Кавказ как единый макрорегион, а также потенциала макрорегиональной идентичности в укреплении российской национальной идентичности. Авторы провели анализ дискурса, формируемого в телеграм-каналах представителей региональной и федеральной власти: глав регионов Северного Кавказа и полномочного представителя Президента РФ в СКФО. Эмпирическую базу составили 187 постов глав всех регионов СКФО, Ростовской области и Краснодарского края, содержащих упоминание северокавказской общности, и 170 постов в официальном телеграм-канале полномочного представителя Президента РФ в СКФО. Для определения направленности транслируемого региональной властью дискурса о северокавказской макрорегиональной идентичности были выявлены смысловые единицы и объединены в несколько групп: культура, история, безопасность, экономика, туризм и религия. Позитивное поле идентичности формируется вокруг ряда «узловых точек»: сохранение мира и обеспечение безопасности; этнокультурная и природно-географическая уникальность региона; российский Кавказ (Северный Кавказ — уникальный регион России). Отмечено, что вербализация темы Северного Кавказа носит эпизодический характер: главы регионов стремятся, с одной стороны, развивать региональную идентичность, с другой — интегрировать ее в общенациональный контекст. Анализ дискурса макрорегиональной идентичности в телеграм-канале полномочного представителя Президента РФ в СКФО позволил

*© Киреева И.В., Куква Е.С., Жаде З.А., 2025

Статья поступила в редакцию 17.01.2025. Статья принята к публикации 15.04.2025.

зафиксировать отсутствие «окружной повестки» применительно к идентичности. Согласно выводам авторов, реальное межрегиональное сетевое взаимодействие могло бы говорить о наличии макрорегиональной целостности и лечь в основу управления полиэтническим Северным Кавказом. Позитивная макрорегиональная идентичность может формироваться вокруг идеи развития (например, туризма и связанных с ним направлений), а идея российского Кавказа будет способствовать укреплению общероссийской идентичности.

Ключевые слова: макрорегион; Северный Кавказ; макрорегиональная идентичность; дискурс; телеграм-канал; российская национальная идентичность; политика идентичности; СКФО; ЮФО; региональная власть

Для цитирования: Киреева И.В., Куква Е.С., Жаде З.А. Дискурс макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе (по материалам официальных телеграм-каналов глав регионов и полномочного представителя Президента РФ в СКФО) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 2. С. 410–426. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-410-426>

Проблематика макрорегиональной идентичности выступает относительно новой в исследованиях российских ученых, будучи сосредоточена в изучении особенностей Уральского и Сибирского макрорегионов [23; 24]. На фоне достаточно большого количества кавказоведческих исследований работ, посвященных поиску индикаторов макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе и специфики ее проявлений, немного [1; 4; 11]. Это обусловлено, во-первых, относительно новым для российской политики пространственного развития, социологической и политической науки понятием «макрорегион». Наряду с административно-территориальным подходом к определению данной категории в официальных документах, нормативно фиксирующих основные атрибуты общности этого уровня (ландшафтно-географические черты и управленческо-экономические приоритеты), сложилось видение макрорегиона как символического пространства, развитие которого обусловлено историческими, социокультурными и эмоциональными особенностями (отсутствие четких границ и выраженной макрорегиональной элиты, отдельные уникальные атрибуты, общность исторического развития [30]), например, Поволжье, Сибирь, Урал и Дальний Восток. Во-вторых, исходя из неоднозначности существующих подходов, возникает вопрос о границах северокавказского макрорегиона: сегодня регионы, которые в силу ландшафтно-географических и историко-культурных черт относятся к Северному Кавказу [16], включены в разные федеральные округа — Северо-Кавказский и Южный, что делает научный поиск оснований макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе еще более интересным. В-третьих, одним из условий стабильного существования современного государства, особенно этно-федеративного, является поддержание в рамках политики идентичности определенной иерархии идентичностей граждан (как уровней власти) [6].

Макрорегиональная идентичность не только находится в фокусе публичной политики, но и постепенно становится частью предметного поля науки.

Она понимается как соотнесенность индивида с широкой территориальной общностью [11], как отдельный уровень территориальной самоидентификации [22] и как надэтническая социетальная целостность [16]. Ввиду многогранности и сложности концепта макрорегиональной идентичности, обусловленного различными контекстами его бытования, «актуальной научной задачей для всего поля социогуманитарного знания остается соединение микро- и макроуровней анализа применительно к тематике идентичности — изучение закономерностей и форм перетекания индивидуальных идентичностей в коллективные и обратного расщепления, дробления коллективных» [25].

Одна из первых попыток анализа трансформации системы идентичностей у народов Кавказа была предпринята К.С. Гаджиевым, который дал на вопрос «можно ли говорить о Кавказе как единой для представителей всех народов региона кавказской идентичности» следующий ответ: «существует некий комплекс критериев и признаков, на основании которых коренные народы региона относятся к определенной общности, отличающейся от сообществ других народов и регионов, тем более что представители каждого из кавказских народов сознают себя именно кавказцами, а не, например, славянами, арабами и пр.» [9]. «У народов Северного Кавказа, возможно, и у народов национальных республик других регионов обнаруживаются несколько уровней идентичности: этнический, республиканский и общероссийский — гражданский или политический» [10], что созвучно нашей концепции многоуровневой идентичности [18], наряду с идеями портфеля идентичностей и многосоставной идентичности, интерпретирующей идею множественной идентичности как соотношения разных идентичностей, их доминирования и ситуативности, сосуществования и конкурентности. В архитектуре множественной идентичности ее составляющие взаимодействуют (этническая, региональная и российская национальная идентичности). Исследователи, работающие с данными Юга России и Северного Кавказа, говоря о региональной идентичности, выделяют ее локальный, субрегиональный и макрорегиональный уровни, анализируя степень выраженности каждого и соотнесенность с национальной идентичностью [11]. Исследовательский коллектив под руководством В.А. Авксентьева, проведя анализ «портфеля идентичностей» жителей макрорегиона, констатировал одновременно уход от конфликта идентичностей в результате реализуемой политики идентичности и сохранение «конкуренции идентичностей» вследствие создания Северо-Кавказского и Южного федеральных округов [4; 5]. Значимость северокавказской компоненты в идентификационной матрице россиян — предмет исследований ученых макрорегиона, среди которых следует выделить следующие школы: адыгейскую [24; 29], кабардино-балкарскую [14; 17]), ростовскую [11; 12] и ставропольскую [3; 5; 8]. Существенное место в научной полемике в период образования двух федеративных округов (ЮФО и СКФО) занимала проблема окружной идентичности — южнороссийской и северокавказской [13; 27].

В нашем исследовании Северный Кавказ как макрорегион рассмотрен шире, чем в официальных документах, в том числе в Стратегии пространственного развития до 2030 года, где за субъектами СКФО закреплён статус геостратегических территорий. Наряду с субъектами СКФО такие регионы ЮФО, как Республика Адыгея, Краснодарский край и Ростовская область, включены в макрорегион Северный Кавказ, что обусловлено общностью ландшафтно-географических особенностей, историко-культурными связями и активным развитием туризма. Мы рассматриваем макрорегиональную идентичность как результат пространственно-территориальной идентификации (понимание причастности к макрорегиону), обусловленной не только географическими и природно-климатическими чертами, но также социокультурными (близкие традиции и схожая картина мира), историческими и эмоциональными. Пространственно-территориальная идентификация основана на похожести и солидарности, имеющих социокультурную и институциональную природу [31], и находится между региональной и национальной [18]. Особенности макрорегиональной идентичности — динамичность (возможно изменение не только административно-территориальных границ макрорегиона, но и идентификационных маркеров) и выраженный ситуативный характер.

Ещё одна черта — отсутствие ярко выраженной макрорегиональной элиты, нацеленной на формирование макрорегиональной идентичности, требует изучения дискурсивных практик в современном медиапространстве. Все чаще исследователи прибегают к анализу дискурсивных полей, применяя как качественные, так и количественные методы [23]. При этом особый интерес представляют «латентные регионалистские интенции», которые артикулируются региональными акторами в определенных вербальных конструкциях [20]: скрытые, неявные смыслы позволяют выявлять особенности развития макрорегионального сообщества, которое мыслится в категориях «воображаемого пространства», не имеющего четких границ, наполненного динамичными и ситуативными свойствами. При этом в ходе дискурс-анализа посредством группировки фрагментов текстов важно зафиксировать «узловые точки» дискурса [20].

В основу исследования были положены следующие подходы: во-первых, представление, что политическая элита играет значимую роль в конструировании коллективных форм идентичности, так как обладает широким доступом к формам публичного дискурса (СМИ, политика, образование и т.д.). Воспроизводимый и транслируемый элитой нарратив важен для понимания региональной политики идентичности. В нашем исследовании выделены два типа акторов — главы регионов (представители региональной политической элиты) и полномочный представитель Президента РФ в СКФО (представитель федеральной власти). Во-вторых, понимание рационалистского дискурса как смысловых характеристик регионального своеобразия и активной мотивированной

деятельности по достижению целей региона. В-третьих, инструменталистский подход — оценка содержания дискурса с точки зрения целей и интересов регионального сообщества и федеральной власти, их потребности в развитии макрорегиональной идентичности. Данные подходы предопределили обращение к дискурсивному полю, формирующемуся в пространстве телеграм-каналов из сообщений, посредством которых обозначенные акторы взаимодействуют с обществом, институциональными и неинституциональными субъектами.

Выбор пространства телеграм-каналов не случаен: коммуникация глав регионов с жителями посредством социальных сетей становится все более активной, а одной из самых популярных информационных площадок является Телеграм (четверо из пяти жителей России читают новости в Телеграм). Пик создания телеграм-каналов главами субъектов РФ пришелся на март 2022 года [28], а в ноябре 2024 года действовали 82 канала глав регионов России в Телеграм. У всех глав регионов СКФО и ЮФО есть свой канал, первым создал свою страничку в Телеграм в 2016 году губернатор Краснодарского края. В рейтингах каналов лидирует глава Чеченской Республики. Телеграм-канал аппарата полпреда Президента РФ в СКФО начал свою работу в июне 2020 года и насчитывает более 3300 подписчиков.

Исследование дискурса макрорегиональной северокавказской идентичности проводилось посредством качественного подхода. Эмпирическую базу составили отобранные в ручном режиме 187 постов, которые были размещены в официальных телеграм-каналах глав Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Северной Осетии, Чечни, Адыгеи, Ставропольского и Краснодарского края и Ростовской области с января по ноябрь 2024 года, а также 170 постов в телеграм-канале полпредства Президента РФ в СКФО. На первом этапе проводился анализ всех постов за указанный период и отбирались те сообщения, в которых упоминалась тема Северного Кавказа (по ключевым словам). Далее в отобранных постах были выявлены смысловые единицы — события, мероприятия, идеи, практики, процессы, отражающие проявление северокавказской макрорегиональной общности. На третьем этапе смысловые единицы были сгруппированы, чтобы выявить доминирующую интенцию дискурса, который фиксирует текущий момент, воспроизводит опыт прошлого и конструирует образ будущего макрорегиона. Для подтверждения сделанных выводов был проведен экспертный опрос (N=17, полуструктурированные интервью с представителями академического сообщества и практиками).

Итак, в телеграм-каналах глав регионов был обнаружен нарратив, отражающий макрорегиональный уровень идентичности. Его доля в общем потоке сообщений невелика — менее 5 %, поэтому были выявлены «триггеры», актуализирующие северокавказскую тематику. В первую очередь, это региональные праздники — «День республики», «День государственности», «День адыгов (черкесов)», «День единства народов республики», «День края» и др. В постах глав регионов содержатся поздравления, отражающие идею связи

между регионами, готовность развивать сотрудничество, видение общности исторических судеб и культур народов, проживающих на Северном Кавказе. Далее идут памятные даты, к которым приурочены обращения к историческому прошлому и событиям, участниками которых становились жители макрорегиона (День разгрома немецко-фашистских захватчиков в Битве за Кавказ, 160-летие завершения Кавказской войны, День депортации и др.). Актуализация северокавказской тематики наблюдается в ходе официальных визитов глав регионов, совместных совещаний, встреч и заседаний при участии полпредства и других представителей федеральной власти. Чаще всего выход на макрорегиональный уровень связан с проведением мероприятий в области культуры и молодежной политики (форумы, открытия памятников, юбилеи региональных институтов культуры и образования, фестивали и др., например, медиафорум «PROКавказ», круизный поезд «Жемчужина Кавказа», акция «Знамя Победы», велогонка «Дружба народов Северного Кавказа» и др.). В целом вербализация северокавказской проблематики носит эпизодический характер — говорить о последовательном и устойчивом стремлении глав регионов конструировать макрорегиональную идентичность не приходится, поскольку наблюдается акцент на интегрировании ее в общенациональный контекст. Так, часть постов связана с кризисными моментами — стихийными бедствиями, когда регионы Северного Кавказа выражают готовность оказывать друг другу помощь и поддержку.

С целью определения направленности транслируемого региональной властью нарратива выявленные в информационных сообщениях смысловые единицы были объединены в несколько групп.

1. *Культура, молодежь*: XII Всероссийский радиотрибунал «Голос Кавказа», Северо-Кавказский форум креативных индустрий «Кавказский акцент», Северо-Кавказская олимпиада интеллектуальных единоборств «Кредо — знание» среди старшеклассников, Федеральный проект «Маяки дружбы. Башни Кавказа–2024», Северо-Кавказский молодежный образовательный форум «Каспий-2024», фестиваль фольклора и традиционной культуры «Горцы», проект «Регион для молодых», большая памятная книга «Мир Кавказа» и др.). Например: «В Северной Осетии проходит многодневная велогонка “Дружба народов Северного Кавказа”... Соревнования проходят в Северной Осетии уже не в первый раз и очень полюбились местным болельщикам. Ежегодно здесь царит атмосфера братства и дружбы!».

2. *История* («Битва за Кавказ», защитники Кавказа, исторические события на Кавказе, многовековые дружественные связи, ученые-кавказоведы, Институт археологии Кавказа, поисковые отряды — участники «Вахты Памяти “Терский рубеж”», «Конгресс Международной Черкесской ассоциации», «День памяти жертв политических репрессий», Кавказская война, сложные исторические события на Кавказе, день депортации и др.). Например: «Битва за Кавказ длилась 442 дня. Она стала одним из ключевых этапов Великой Отечественной

войны... Официальный статус Дня воинской славы России дата 9 октября получила в 2020 году. Президент подписал федеральный закон, принятый по инициативе жителей регионов Северного Кавказа. В их числе были и ставропольцы. Благодарен главе государства за поддержку. Мы будем вечно чтить наших героев. Вечная слава защитникам и освободителям Кавказа. Долгих лет живущим ветеранам»; «Адыги — наши братья, с которыми мы имеем многовековые дружественные связи. Это очень гостеприимный и трудолюбивый народ».

3. *Безопасность* (противодействие/профилактика терроризма и экстремизма, совещание по вопросам безопасности регионов СКФО, меры по пресечению деструктивной деятельности недружественных стран, работа по выявлению рисков и опровержению вбросов на дестабилизацию обстановки на СК и др.). Например: «Профилактика терроризма и экстремизма в республике продолжает оставаться одной из важнейших задач»; «Проведение СВО определило основные направления деятельности ЦУРов по выявлению рисков и опровержению различных вбросов, направленных на дестабилизацию обстановки на Северном Кавказе и стране в целом».

4. *Экономика, партнерство* (обмен опытом с регионами СКФО и ЮФО, системообразующие территориальные сетевые организации в субъектах СКФО, укрепление позиций регионов СКФО, доброе соседство, совместное развитие, межрегиональное взаимодействие, расширение торгово-экономических связей между регионами СКФО и др.). Например: «Обмен опытом с регионами СКФО и ЮФО, а также активное взаимодействие вузов и бизнеса — это крайне важная задача»; «Во все времена Карачаево-Черкесию и Ставрополье объединяло не только доброе соседство, но и совместное развитие — у нас общие исторические, культурные, духовные корни, что, несомненно, укрепляет наши дружеские связи. И сегодня мы продолжаем общий путь во благо нашей общей Родины — великой России».

5. *Туризм, бренды* (Кавминводы, Кавказ.РФ, проект «Кавказ GranTurismo», «Грозный — настоящая жемчужина Кавказа», «Владикавказ — настоящая культурная столица Северо-Кавказского федерального округа», «первый на Северном Кавказе всесезонный туристический кластер», «Эльбрус — лучший горнолыжный курорт России», межрегиональный туристско-патриотический слет «Мосты дружбы» в Приэльбрусье и др.). Например: «Северная Осетия будет готовить кадры для кавказских курортов. В республике откроется образовательный кластер “Туризм и сфера услуг” проекта “Профессионалитет”... Выпускники будут трудоустроены. Причем им предложат работу не только в Северной Осетии, но и за пределами региона. Такую возможность открывает соглашение, которое мы сегодня подписали с коллегами из Кавказ.РФ»; «В Дагестане создают первый на Северном Кавказе всесезонный туристический кластер».

6. *Религия* («традиции ислама на Кавказе» и др.). Например: «Без активного участия исламской общины регионов Северного Кавказа сегодня невоз-

можно представить развитие межнационального и межрелигиозного диалога в нашей стране, патриотическое воспитание подрастающего поколения, реализацию востребованных благотворительных, просветительских и волонтерских инициатив».

Данные группы приведены в порядке убывания плотности и частоты их присутствия в информационных сообщениях, что подтверждает гипотезу о преобладании в них историко-культурной направленности, однако значимы для макрорегиона и вопросы безопасности и социально-экономического сотрудничества (в том числе в сфере туризма). Как правило, смысловые единицы, которые напрямую «фиксируют» макрорегиональное северокавказское сообщество и выводят на понимание связанной с ним идентичности, выражены в метафорах, передающих семейственный характер отношения: «Северный Кавказ — наш общий дом», «братские народы/отношения/республика», «наследие предков», «кровные узы». Например: «У наших республик давно и прочно сложились дружеские узы, а братские народы связывают богатое культурное наследие и исторические пути развития»; «У наших народов общая судьба, связанная с разными событиями, в том числе наши земляки прошли испытания депортацией. Прошедшие десятилетия показали, что люди не только выстояли, но и стали еще более едины в своем стремлении развивать свою малую Родину, трудиться и созидать на благо Отечества». Следует отметить и важность такой смысловой единицы, как «общие традиции и ценности». Например: «Жители горных территорий — это наша гордость и опора. Они поддерживают традиции народов Кавказа, богатое культурно-историческое наследие... На Кавказе есть незыблемые вещи — семья, отношение к детям и старшим»; «Все кавказцы особенно восприимчивы к несправедливости, поэтому важно обеспечение беспрепятственного доступа граждан к справедливости и правосудию». Интегративный компонент проявляется в гордости за спортивные победы («за тебя болеет весь Кавказ» — о чемпионе мира по боксу А. Бетербиеве) и культурные достижения («кавказская композиторская школа», «лучший северокавказский фильм»).

Проведенный анализ подтверждает символическую природу исследуемого нарратива — он явно выражает позитивную сторону макрорегиональной северокавказской идентичности (развитие сотрудничества в сфере культуры, безопасности, экономики, туризма). При этом модальность дискурса определяется преобладанием в сообщениях глагольных форм (взаимодействовать, сотрудничать, развивать, договариваться, усилить работу, решать проблемы и др.) в контексте создаваемого образа политической стабильности и мира в макрорегионе. Информационные сообщения в телеграм-каналах губернаторов Краснодарского края и Ростовской области за тот же период практически не содержат упоминаний Северного Кавказа, поэтому были исключены из анализа.

В дискурсе информационных сообщений глав регионов были выделены следующие «узловые точки», вокруг которых «выкристаллизовывается» спец-

ифика позитивной макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе. *Сохранение мира и обеспечение безопасности* — «ценности мира, межнационального и межконфессионального согласия», «дух единства и взаимопонимания», «общие цели». Эта «точка» будет только укрепляться, поскольку направлена против деструктивных «смысловых узлов», которые артикулируются в антироссийских телеграм-каналах, ориентированных на Северный Кавказ [7]. Наибольшую опасность представляют «присутствующие в информационном пространстве СКФО пассивно-агрессивные каналы, сдержанные в риторике, но умело эксплуатирующие исторический нарратив, угрозы ассимиляции, утраты своей национальной идентичности» [26]. Телеграм-каналы, объединенные антироссийской риторикой и продвижением идеи разделения России — «деколонизации», нацелены на создание максимально негативного образа России и образа угнетенных народов Северного Кавказа [8].

Этнокультурная и природно-географическая уникальность Северного Кавказа — конструируется через такие позитивные вербализации, как «богатое культурное наследие», «сохранение традиций», «удивительно прекрасная природа», «славные духовные традиции». При этом акцент на уникальности не противоречит стремлению к единству: упоминания региональной специфики контекстуализируются идеей «общего дома», объединяющего все народы Северного Кавказа своими ценностями.

Российский Кавказ, или Северный Кавказ как уникальный регион России — выход на национальную российскую идентичность, когда «регионалистский дискурс интегрируется в целях решения задачи общенациональной политики идентичности» [19]. Позитивное поле макрорегиональной идентичности, возникающее вокруг данной «точки», включает такие маркеры, как «единение разных регионов и народов», «сплоченность и единство», «любовь к Родине», «сила многонационального народа», «героическое прошлое», «герои ВОВ/СВО», «действуем сообща».

Что касается дискурса макрорегиональной идентичности в телеграм-канале полномочного представителя Президента РФ в СКФО, то за рассматриваемый период в нем не прослеживается «идентификационной» повестки — сообщения носят в основном региональный характер: «субъекты, входящие в СКФО» или «регионы округа» — наиболее часто встречающиеся формулировки, хотя в целом телеграм-канал освещает новости отдельных регионов и их успехов, как будто соблюдая некие квоты по упоминанию каждого региона округа. В тех случаях, когда используется термин «Северный Кавказ», обычно подразумевается расширительное обозначение региона, например: «умные мосты начнут контролировать погодные условия на региональных дорогах Северного Кавказа» (о КБР), «единый билет для поездок на курорты Северного Кавказа» (о КЧР), «горнолыжники этой зимой стали чаще выбирать отдых на Северном Кавказе» (о КБР и КЧР). Такое обозначение характерно для постов о туризме.

В проанализированном контенте не обнаруживается «макрорегиональная целостность» как реальное или «воображаемое» сообщество, что, видимо, объясняется тем, что в нормативных документах федеральных округов отсутствует упоминание их целостности, даже символической. Так, в Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2030 года, несмотря на схожесть мер по развитию регионов округа, очевидно отсутствие макрорегионального единства, не прописаны меры, которые касались бы округа как некоей отдельной сущности (помимо «развития единства культурного пространства»). Общая макрорегиональная повестка прослеживается лишь в части постов туристической тематики, где можно отследить некие общие подходы ко всему Северному Кавказу, чему, вероятно, способствует активность федерального института развития «Кавказ. РФ», инвестирующего преимущественно в туристический кластер макрорегиона. Тем самым, несмотря на некоторые экспертные ожидания, что полпредства окажутся на фронтире повестки макрорегиональной идентичности, в дискурсе глав регионов представлено больше тематик и поводов для фокусировки на макрорегиональной общности.

Зачем лидерам республик развивать единство Северного Кавказа как макрорегиона? Этот вопрос вызывает неоднозначную реакцию экспертного сообщества. Рассуждая об акторах макрорегиональной северокавказской идентичности, эксперты подтвердили приоритетность *«формирования субъектной идентичности, органично вписанной в общегосударственный идентификационный дискурс»*. Если говорить в целом о политической элите Северного Кавказа, то, по мнению ряда экспертов, она *«не заинтересована в последовательном формировании макрорегиональной идентичности, так как соответствующая ментальная модель существенно ограничивает имеющиеся возможности, связанные с постоянной апелляцией к локальным этническим и конфессиональным кодам, фиксирующим властное пространство в отдельных субъектах»*; *«у политической элиты регионального уровня есть ориентация на внутрорегиональные проблемы... макрорегиональный дискурс не значим в контексте Северного Кавказа»*. А если и значим, то преимущественно в экономической сфере, поскольку дает *«определенные возможности через свой регион использовать бренд Кавказа, применить какие-то фишки с точки зрения региональных брендов (Минеральные воды, Эльбрус и др.); этот образ очень позитивный, и он артикулируется»*.

Нарративы, отражающие идеи и практики позитивной макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе, циркулируют в информационном пространстве на региональном и федеральном уровнях [2] — конструируется и транслируется образ Северного Кавказа как стабильного и спокойного региона единой большой страны [2]. Как показали результаты нашего иссле-

дования, позитивный контент (дискурс Великой Отечественной войны, идея развития макрорегиона, его туристическая привлекательность, молодежная активность, сохранение традиционных ценностей и этнической культуры, природное богатство) — важная составляющая политики идентичности в условиях нарастания попыток расколоть северокавказское общество.

Публичный политический дискурс четко ориентирует на укрепление российской национальной идентичности, но роль регионалистского дискурса неоднозначна. С одной стороны, он интегрируется как частная составляющая общенационального дискурса, с другой — может и дезинтегрировать общество (как на Алтае и в Калининграде). В современной геополитической ситуации многие эксперты высказывают опасения, что *«сильная и ярко выраженная северокавказская идентичность может стать ресурсом различных центробежных либо сепаратистских проектов; сейчас, в условиях прокси-войны России с Западом необходимо укреплять общероссийскую национально-гражданскую идентичность на полиэтнической, секулярной основе»*. Эксперты отмечают факт наличия северокавказской идентичности, но *«социологические опросы показывают, что респонденты в гораздо большей степени считают себя жителями конкретного субъекта федерации, а не макрорегиона»*, что подтверждают и результаты проведенного нами опроса жителей Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана [15]. В то же время можно говорить о существовании *«общих соседских и земляческих форм приятельства и взаимовыручки»*, что подтверждают сообщения глав республик о готовности поддержать соседей в трудную минуту или выражающие искреннюю радость во время праздничных событий или в связи с достижениями соседних регионов.

Эксперты подчеркивают близость культур народов Северного Кавказа, и ее устойчивый маркер — этнические традиции и ценности: *«если говорить об этнической идентичности коренных, в том числе, титульных народов Северного Кавказа... то такой идентификационный комплекс силен, живуч, рельефно выражен и воспроизводит себя в режиме социальной этнической синергетики. Эта идентичность ... прочна и выражается во многих социальных формах, этнокультурных проекциях, а также в этнократических системах (фамильных, клановых, родовых с усилением использования конфессионального фактора). Эта идентичность (в данном случае, республиканская, общинная, но никак не макрорегиональная) представляет как возможности для развития северокавказских обществ, так и для их торможения»*.

Официальный политический дискурс, выявленный в ходе анализа телеграм-канала полпредства, ближе к модели региональной специализации внутри макрорегиона, нежели к модели макрорегиональной целостности. Это подтверждается и практически полным отсутствием упоминаний некоей особости макрорегиона, что снижает возможности построения идентичности на отстраивании от других за счет собственного своеобразия и уникальности. Также очевиден неактивный характер дискурса о связях между регионами вну-

три округа, межрегиональном взаимодействии, что может свидетельствовать о нетождественности окружной и макрорегиональной северокавказской идентичности и об отсутствии государственной политики идентичности с артикулирующей на макрорегиональном уровне, хотя с учетом символического значения и историко-культурной общности этот уровень идентичности мог бы стать важным ресурсом в укреплении национальной идентичности. Администрации полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах на площадках Телеграма ориентируются в большей мере на федеральные органы власти, на внешнюю аудиторию, что говорит об отсутствии задачи формирования макрорегиональной идентичности (за исключением идеи некой общности в контексте крупных туристических проектов).

Вместе с тем следует подчеркнуть значимость дискурса позитивной макрорегиональной северокавказской идентичности. Выявленные в ходе исследования смысловые единицы и «узловые точки» информационных сообщений указывают на основания формирования и укрепления общероссийской идентичности. Понимая нелинейность и сложность данного процесса, видя неоднозначность экспертных оценок, следует использовать позитивный потенциал межрегионального сотрудничества на Северном Кавказе в культуре, экономике, управлении, молодежной политике и др. в целях снижения межэтнической напряженности. По мнению экспертов, макрорегиональная идентичность не может формироваться «изолированно», сама по себе, — только как «один из этапов по утверждению общегражданской идентичности». Как региональная власть, так и федеральная в лице полпредств в округах, формируя через дискурсы чувство принадлежности к макросообществу, могла бы использовать его как ресурс укрепления гражданской идентичности, в том числе поддерживая и усиливая сетевое региональное взаимодействие внутри макрорегиона, чего нынешний дискурс пока не отражает. На наш взгляд, позитивная макрорегиональная идентичность может формироваться вокруг идеи развития, в частности туризма и тесно связанных с ним направлений деятельности. Практики межрегионального сетевого сотрудничества в области туризма, продвижение привлекательного образа Северного Кавказа как уникального макрорегиона с богатой природой и культурой — инструменты, которые обладают значительным потенциалом формирования позитивной макрорегиональной идентичности на Северном Кавказе и укрепления общероссийской идентичности. Сформированная макрорегиональная идентичность может стать основой управления гетерогенным Северным Кавказом, какие бы административные очертания он ни имел.

Библиографический список

1. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. Северный Кавказ: факторный анализ и прогнозы динамики региональной ситуации // Регионология. 2023. Т. 31. № 3.
2. Авксентьев В.А., Иванова С.Ю., Шульга М.М. Репрезентации этнополитической ситуации на Северном Кавказе в медиапространстве региона // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 3.

3. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. и др. Общероссийская идентичность на Северном Кавказе: опыт экспертной оценки // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2022. № 1.
4. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Макросоциальная идентичность на Северном Кавказе в условиях современных вызовов: осмысливая исследовательские практики // Журнал фронтальных исследований. 2024. № 4.
5. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. «Портфель идентичностей» молодежи Юга России спустя 12 лет // Социологические исследования. 2022. № 7.
6. Ачкасов В. Культурно-ценностное измерение федерализма в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 2.
7. Габараева М.Р., Чибирова З.А. Идея деколонизации России и Северный Кавказ: современный контекст (по результатам контент-анализа публикаций в Telegram) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 4.
8. Габараева М.Р. Дискурс «деколонизации» в антироссийских Telegram-каналах, ориентированных на Северный Кавказ (опыт контент-анализа) // Социологические исследования. 2024. № 8.
9. Гаджиев К.С. Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2.
10. Гаджиев К.С. Российская Федерация: национальное государство или государство народов? // Политические исследования. 2018. Т. 27. № 3.
11. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России // Социологические исследования. 2013. № 7.
12. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Южнороссийская идентичность: упущенная возможность интеграции мультикультурного региона // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6.
13. Дружинин А.Г. Полиэтничен ли современный Юг России? // Региональные исследования. 2024. № 2.
14. Кавказская идентичность в российской социально-культурной трансформации / Отв. ред. А.М. Кумыков. Нальчик, 2007.
15. Киреева И.В., Куква Е.С., Ляушева С.А. и др. Брендинг регионов и его потенциал в укреплении российской национальной идентичности (кейсы Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Дагестана) // Регионология. 2024. Т. 32. № 2.
16. Клименко Л.В., Жаде З.А., Петрулевич И.А. Идентичность населения полиэтнического юга России в контексте социетальной интеграции макрорегиона // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 3.
17. Кумыков А.М., Тхагансоев Х.Г. Кавказская идентичность в процессах современной российской социокультурной трансформации // Философские науки. 2011. № 1.
18. Многоуровневая идентичность. М.; Майкоп, 2006.
19. Назукина М.В. Идентитарные аспекты регионалистского дискурса федеральных символических конкурсов // Политическая наука. 2020. № 4.
20. Назукина М.В. Регионализм в «посланиях» глав субъектов РФ: дискурсивный аспект // Политические исследования. 2022. № 2.
21. Назукина М.В. Макрорегиональная идентичность и регионализм в современной Сибири // Трансформация идентичностей: опыт Европы и России / Под ред. Е.В. Викторовой. Т. 1. СПб., 2021.
22. Назукина М.В. Уральский макрорегион в системе территориальных идентичностей современной России // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 6.
23. Рябченко Н.А., Катермина В.В., Гнедаш А.А., Вульфович Б.Г. Региональный политический дискурс: теоретическая модель, методология исследования и практики управления политическим контентом в online-пространстве субъектов РФ // Политическая лингвистика. 2019. № 5.

24. Северный Кавказ в фокусе российской идентичности / Под общ. ред. А.Ю. Шадже. М.; Майкоп, 2011.
25. Семенов И.С. Перспективы идентитарных исследований и российские приоритеты // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семенов. М., 2023.
26. Федосова Е.В., Канукова З.В., Синанов Б.А., Гадиева А.Н. Идеи «деколонизации» Северного Кавказа в современном общественном дискурсе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 4.
27. Черноус В.В. Административно-территориальный фактор трансформации региональной идентичности на Юге России // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2010. № 1.
28. Чугунов А.В., Низомутдинов Б.А., Будяк А.А. Telegram-каналы глав субъектов Российской Федерации: тестирование исследовательского инструментария // International Journal of Open Information Technologies. 2022. Т. 10.
29. Шадже А.Ю. Макрорегиональная идентичность на Северном Кавказе: опыт концептуализации // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 11.
30. Щербаков А.Ю. Символические границы макрорегиональной идентичности: уральский случай // Дискурс-Пи. 2014. № 2–3.
31. Capello R. Interpreting and understanding territorial identity // Regional Science Policy & Practice. 2019. Vol. 11.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-2-410-426

EDN: ZEGTTK

Discourse of macro-regional identity in the North Caucasus (based on the official telegram channels of the Heads of Regions and the Russian President's Plenipotentiary Representative in the North Caucasus Federal District)*

I.V. Kireeva, E.S. Kukva, Z.A. Zhade

Adyghe State University,
Pervomayskaya St., 208, Maykop, Republic of Adygea, Russia

(e-mail: ira.kireeva.2024@internet.ru; otvs_priem@mail.ru; zhadezura@yandex.ru)

Abstract. The article focuses on the insufficient development of ideas about the macro-regional North Caucasian identity in both public policy and academic field. Macro-regional identity is considered a result of spatial-territorial identification, characterized by an understanding and a sense of belonging to macro-region and determined not only by geographical and natural-climatic but also historical and emotional grounds, i.e. the North Caucasian macro-region has the dual nature — administrative and historical, natural-geographical and symbolic. The authors aim at identifying in the discourse of macro-regional identity those interregional ties that allow to define

*© I.V. Kireeva, E.S. Kukva, Z.A. Zhade, 2025

The article was submitted on 17.01.2025. The article was accepted on 15.04.2025.

the North Caucasus as a single macro-region with macro-regional identity capable of strengthening the Russian national identity. The authors analyzed the discourse formed in the Telegram channels of representatives of regional and federal authorities: Heads of the Regions of the North Caucasus and the Plenipotentiary Representative of the Russian President in the North Caucasus Federal District. The empirical base consisted of 187 posts by the Heads of Regions in the North Caucasus Federal District, Rostov and Krasnodar Regions, which mention the North Caucasian community, and 170 posts in the official Telegram channel of the Plenipotentiary Representative of the Russian President in the North Caucasus Federal District. To identify the focus of the regional authorities' discourse on the North Caucasian macroregional identity, the authors identified semantic units and combined them into several groups: culture, history, security, economy, tourism and religion. The positive field of identity is formed around the following "nodes": maintaining peace and ensuring security; ethnic-cultural and natural-geographical uniqueness; Russian Caucasus (North Caucasus as a unique region of Russia). However, the North Caucasus is rather an episodic topic: the Heads of Regions strive both to develop regional identity and to integrate it into the national context. The discourse of macroregional identity in the Telegram channel of the Plenipotentiary Representative lacks "district agenda" in relation to identity. The authors argue that the real interregional network interaction could indicate the presence of macroregional integrity and form the basis for managing the multiethnic North Caucasus. A positive macroregional identity can be formed around the idea of development (for example, of tourism), and the idea of the Russian Caucasus would strengthen the all-Russian identity.

Key words: macro-region; North Caucasus; macro-regional identity; discourse; telegram channel; Russian national identity; identity policy; North Caucasian Federal District; Southern Federal District; regional authorities

For citation: Kireeva I.V., Kukva E.S., Zhade Z.A. Discourse of macro-regional identity in the North Caucasus (based on the official telegram channels of the Heads of Regions and the Russian President's Plenipotentiary Representative in the North Caucasus Federal District). *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (2): 410–426. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-2-410-426>

References

1. Avksentyev V.A., Gritsenko G.D. Severny Kavkaz: faktorny analiz i prognozy dinamiki regionalnoy situatsii [North Caucasus: A factor analysis and forecasts of the regional situation dynamics]. *Regionologiya*. 2023; 31 (3). (In Russ.).
2. Avksentyev V.A., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. Reprezentatsii etnopoliticheskoy situatsii na Severnom Kavkaze v mediaprostranstve regiona [Representations of the ethnic-political situation in the North Caucasus in the regional media space]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2024; 15 (3). (In Russ.).
3. Avksentyev V.A., Aksyumov B.V., Gritsenko G.D., Ivanova S.Yu., Shulga M.M. Obshcherossiyskaya identichnost na Severnom Kavkaze: opyt ekspertnoy otsenki [All-Russian identity in the North Caucasus: An expert assessment]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Politologiya*. 2022; 1. (In Russ.).
4. Avksentyev V.A., Aksyumov B.V., Gritsenko G.D. Makrosotsialnaya identichnost na Severnom Kavkaze v usloviyah sovremennykh vyzovov: osmyslivaya issledovatel'skie praktiki [Macrosocial identity in the North Caucasus under today's challenges: Research practices]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy*. 2024; 4. (In Russ.).
5. Avksentyev V.A., Aksyumov B.V. "Portfel identichnostey" molodezhi Yuga Rossii spustya 12 let ["Identities portfolio" of the youth in Southern Russia after 12 years]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022; 7. (In Russ.).
6. Achkasov V. Kulturno-tsennostnoe izmerenie federalizma v Rossii [Cultural-value dimension of federalism in Russia]. *Politicheskaya Ekspertiza*. 2024; 20 (2). (In Russ.).

7. Gabaraeva M.R., Chibirova Z.A. Ideya dekolonizatsii Rossii i Severnyy Kavkaz: sovremenny kontekst (po rezultatam kontent-analiza publikatsiy v Telegram) [The idea of decolonization of Russia and the North Caucasus: A today's context (based on the results of the content analysis of posts in Telegram)]. *Mir Nauki. Sotsiologiya, Filologiya, Kulturologiya*. 2023; 14 (4). (In Russ.).
8. Gabaraeva M.R. Diskurs “dekolonizatsii” v antirossiyskikh Telegram-kanalah, orientirovannykh na Severnyy Kavkaz (opyt kontent-analiza) [Discourse of “decolonization” in anti-Russian Telegram channels focused on the North Caucasus (a content-analysis study)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2024; 8. (In Russ.).
9. Gadzhiev K.S. Etnonatsionalnaya i geopoliticheskaya identichnost Kavkaza [Caucasian ethnic-national and geopolitical identity]. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2010; 2. (In Russ.).
10. Gadzhiev K.S. Rossiyskaya Federatsiya: natsionalnoe gosudarstvo ili gosudarstvo narodov? [Russian Federation: A national state or a state of nations?]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2018; 27 (3). (In Russ.).
11. Denisova G.S., Klimenko L.V. Osobennosti regionalnoy identichnosti naseleniya Yuga Rossii [Features of regional identity in Southern Russia]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2013; 7. (In Russ.).
12. Denisova G.S., Klimenko L.V. Yuzhnorossiyskaya identichnost: upushchennaya vozmozhnost integratsii multikulturnogo regiona [Southern-Russian identity: A missed opportunity of integrating a multicultural region]. *Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazsky Region. Obshchestvennye Nauki*. 2011; 6. (In Russ.).
13. Druzhinin A.G. Polietnichn li sovremenny Yug Rossii? [Is today's South of Russia polyethnic?]. *Regionalnye Issledovaniya*. 2024; 2. (In Russ.).
14. *Kavkazskaya identichnost v rossiiskoi sotsialno-kulturnoi transformatsii* [Caucasian Identity in the Russian Social-Cultural Transformation]. Otв. red. A.M. Kumykov. Nalchik; 2007. (In Russ.).
15. Kireeva I.V., Kukva E.S., Lyausheva S.A., Zhade Z.A., Ilinova N.A. Brending regionov i ego potentsial v ukreplenii rossiyskoy natsionalnoy identichnosti (keysy Adygei, Kabardino-Balkarii i Dagestana) [Regional branding and its potential in strengthening the Russian national identity (cases of Adygea, Kabardino-Balkaria and Dagestan)]. *Regionologiya*. 2024; 32 (2). (In Russ.).
16. Klimenko L.V., Zhade Z.A., Petrulevich I.A. Identichnost naseleniya polietnichnogo yuga Rossii v kontekste sotsialnoy integratsii makroregiona [Identity in the multiethnic South of Russia in the context of the societal macroregional integration]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz*. 2021; 24 (3). (In Russ.).
17. Kumykov A.M., Tkhangapsoev Kh.G. Kavkazskaya identichnost v protsessah sovremennoy rossiyskoy sotsiokulturnoy transformatsii [Caucasian identity under the current Russian social-cultural transformation]. *Filosofskie Nauki*. 2011; 1. (In Russ.).
18. *Mnogourovnevaya identichnost* [Multilevel Identity]. Maikop; 2006. (In Russ.).
19. Nazukina M.V. Identitarnye aspekty regionalistskogo diskursa federalnykh simvolicheskikh konkursov [Identity aspects of the regionalist discourse of federal symbolic contests]. *Politicheskaya Nauka*. 2020; 4. (In Russ.).
20. Nazukina M.V. Regionalizm v “poslaniyah” glav sub'ektov RF: diskursivnyy aspekt [Regionalism in the “messages” of the Heads of the Subjects of the Russian Federation: A discursive aspect]. *Politicheskie Issledovaniya*. 2022; 2. (In Russ.).
21. Nazukina M.V. Makroregionalnaya identichnost i regionalizm v sovremennoy Sibiri [Macroregional identity and regionalism in today's Siberia]. *Transformatsiya identichnostei: opyt Evropy i Rossii*. Pod. red. E.V. Viktorovoy. Vol. 1. Saint Petersburg; 2021. (In Russ.).
22. Nazukina M.V. Uralsky makroregion v sisteme territorialnykh identichnostey sovremennoy Rossii [Ural macro-region in the system of territorial identities of contemporary Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 2015; 6. (In Russ.).

23. Ryabchenko N.A., Katerina V.V., Gnedash A.A., Vulfovich B.G. Regionalny politichesky diskurs: teoreticheskaya model, metodologiya issledovaniya i praktiki upravleniya politicheskim kontentom v online-prostranstve sub'ektov RF [Regional political discourse: A theoretical model, methodology of research and practices of managing political content in the online space of the Subjects of the Russian Federation]. *Politicheskaya Lingvistika*. 2019; 5. (In Russ.).
24. *Severnyy Kavkaz v focuse rossiiskoi identichnosti* [North Caucasus in the Focus of Russian Identity]. Pod obshch. red. A.Yu. Shadzhe. Maikop; 2011. (In Russ.).
25. Semenenko I.S. Perspektivy identitarnykh issledovaniy i rossiyskie priority [Prospects of identity research and Russian priorities]. *Identichnost: lichnost, obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya*. Otv. red. I.S. Semenenko. Moscow; 2023. (In Russ.).
26. Fedosova E.V., Kanukova Z.V., Sinanov B.A., Gadieva A.N. Idei “dekolonizatsii” Severnogo Kavkaza v sovremennom obshchestvennom diskurse [Ideas of the North Caucasus “decolonization” in the contemporary public discourse]. *Mir Nauki. Sotsiologiya, Filologiya, Kulturologiya*. 2023; 14 (4). (In Russ.).
27. Chernous V.V. Administrativno-territorialny faktor transformatsii regionalnoy identichnosti na Yuge Rossii [An administrative-territorial factor of transformation of regional identity in the South of Russia]. *Yuzhno-Rossiyskiy Forum: Ekonomika, Sotsiologiya, Politologiya, Sotsialno-Ekonomicheskaya Geografiya*. 2010; 1. (In Russ.).
28. Chugunov A.V., Nizamutdinov B.A., Budak A.A. Telegram-kanaly glav sub'ektov Rossiyskoy Federatsii: testirovanie issledovatel'skogo instrumentariya [Telegram channels of the Heads of Subjects of the Russian Federation: A test of research tools]. *International Journal of Open Information Technologies*. 2022; 10. (In Russ.).
29. Shadzhe A.Yu. Makroregionalnaya identichnost na Severnom Kavkaze: opyt kontseptualizatsii [Macro-regional identity in the North Caucasus: A conceptualization]. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2024; 11. (In Russ.).
30. Shcherbakov A.Yu. Simvolicheskie granitsy makroregionalnoy identichnosti: uralsky sluchay [Symbolic boundaries of macro-regional identity: The Ural case]. *Diskurs-Pi*. 2014; 2–3. (In Russ.).
31. Capello R. Interpreting and understanding territorial identity. *Regional Science Policy & Practice*. 2019; 11.